

УДК 398.86

ФОЛЬКЛОР В ЗАПИСЯХ А.А. БОГОДУРОВА

© 2025

Ю.А. Изумрудов, Н.Б. Храмова

Изумрудов Юрий Александрович (2025), ORCID: 0000-0001-8945-4786, SPIN-код: 2178-5120, доктор филологических наук, профессор, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Россия, 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23), izumrud.nnov@mail.ru;

Храмова Наталия Борисовна (2025), SPIN-код: 6019-1697, ORCID: 0009-0009-4114-467X преподаватель, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Россия, 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23), natashakhr@mail.ru.

Статья поступила в редакцию: 20.02.2025

Статья принята к публикации: 28.02.2025

В статье подробно прослеживается жизненный и творческий путь Александра Алавердиевича Богодурова, представителя нижегородской интеллигенции конца XIX – первой половины XX вв., общественного деятеля, родственными узами связанного с семьей известного в Нижнем Новгороде архивиста-историка А.Я. Садовского. Показано многообразие творческих интересов Богодурова. Впервые приводится текст его неотправленного письма Л.Н. Толстому. И также впервые дается анализ его критической статьи «О Бальмонте». Подчеркнута значимость краеведческих изысканий Богодурова применительно к творчеству поэта Л.Г. Граве.

Центральное место в статье уделяется интерпретации фольклорных материалов, собранных Богодуровым в 1890-е г. в Арзамасском уезде Нижегородской губернии. Даются описание и анализ его фольклорного сборника: характеристика самой рукописи, проблема ее датировки, состав записей. Впервые публикуются и вводятся в научный оборот тексты песен и частушек, записанных А.А. Богодуровым. Особую ценность представляют частушки, т.к. они являются одними из самых ранних записей данного жанра в русской вообще и в частности нижегородской традиции. Публикация текстов сопровождается текстологическими комментариями.

Ключевые слова: А.А. Богодуров, Л.Н. Толстой, М. Горький, К.Д. Бальмонт, Л.Г. Граве, краеведение, фольклор, русская частушка, русская народная лирика, любительская фольклористика.

История российской фольклористики довольно хорошо изучена. Тем не менее исследователи постоянно продолжают находить ранее неизвестные материалы, иногда в семейных архивах, хранящихся у потомков собирателя, и вместе с ними открывают новые имена, как правило, фольклористов-любителей [Фольклор без фольклористов 2019, Николаев 2010]. В таких материалах нередко оказываются ценные тексты и всегда – дополнительные сведения о местной фольклорной традиции. Важной вехой в истории нижегородской фольклористики можно теперь считать заново открытое имя А.А. Богодурова (1873–1952).

О Богодурове как собирателе и интерпретаторе народных песен, частушек были только отрывочные сведения, весьма неконкретные, просто на уровне упоминания. Да и о его биографии (а она насыщена, поучительна), интересных интеллектуальных свершениях знают, к сожалению, немногие и немного, а потому вначале мы проследим, с достаточной полнотой, жизненный и творческий путь Богодурова, чтоб представлять, в какой контекст оказалась вписана его фольклористическая деятельность.

I

Александр Алавердиевич Богодуров родился в 1873 г. в Нижнем Новгороде в дворянской семье. Его отец, Алаверди Ассирбекович, получив военное образование, начал свою карьеру в армии, а с 1862 г. перешёл на гражданскую службу в Нижегородской губернии, где занимал ряд важных должностей. Он активно участвовал в общественной жизни города, был действительным членом Нижегородского губернского статистического комитета [Журналы 1877, с. 244], в «Нижегородском сборнике», издаваемом комитетом, опубликовал работу о ходе крестьянских реформ в губернии [Богодуров 1867], которая потом получила высокую оценку местных историков [Каптерев 1939].

Мать, Софья Васильевна, была правнучкой знаменитого русского архитектора В.И. Баженова. Дядя по линии матери, Александр Васильевич Баженов, с которым семья Богодуровых поддерживала тесные связи, также был известным общественным деятелем в Нижегородской губернии. Культурная и просветительская атмосфера в семье и ближайшем окружении оказала значительное влияние на юного

Александра, который с раннего возраста увлекся литературой, театром и музыкой, а также проявил интерес к общественным проблемам.

Александр Богодуров получил хорошее образование: сначала учился в Нижегородском дворянском институте императора Александра II, а в 1894 г. поступил на отделение естественных наук физико-математического факультета¹ Императорского Московского университета, так обосновывая это свое решение в дневнике от 18 сентября 1894 года: «Я летом читал у Толстого, что мудрость не в том состоит, чтобы знать и изучать как можно большее количество наук, а – избирать те, которые нужны человеку для жизни и для духа; следовательно, я в этом отношении поступил справедливо, и никакие нарекания не собьют меня с толку; выберу специальностью применение этих наук к сельскому хозяйству и выполню свою задачу, Бог даст» [Богодуров 2006а, с. 132].

После университета А. Богодуров вернулся в Нижний Новгород, а через несколько лет переехал в Арзамасский уезд, где построил свой хутор² недалеко от села Корино Хиринской волости (ныне Шатковский район). Выбор места не был случайным: там находились земли, принадлежавшие его родителям и ближайшим родственникам³, где он в детстве и юности проводил все летние месяцы, о чем всегда вспоминал с теплотой.

В 1904-ом Богодуров женился. Его избранницей стала Наталья Садовская, дочь известного в Нижнем историка-краеведа, председателя губернской ученой архивной комиссии А.Я. Садовского и сестра

¹ В работе В.М. Панкратова, излагающей основные этапы биографии Богодурова, указан «естествоведческий факультет» [Панкратов 2016, с. 7], в других источниках, включая свидетельства самого Богодурова, упоминается «естественный факультет» [Селезнев 2001, с. 203; Богодуров 1930, л. 74]. Однако до революции в Московском университете не существовало «естественного факультета», а было лишь отделение естественных наук физико-математического факультета.

² Хутор – здесь: небольшой земельный участок с домом.

³ Его родители владели хутором, расположенным недалеко от Шатков (в сторону сел Хирино и Корино); хутор дяди, А.В. Баженова, был близ села Кардавилль, а хутор тётки, О.В. Баженовой, располагался также недалеко от Корино. Все эти хутора находились на территории бывших «баженовских» земель, дарованных Павлом I архитектору В.И. Баженову.

поэта Бориса Садовского. Родились дочери Софья, Анастасия, Ольга. Коринский хутор стал обетованной землей Богодурова, райским уголком, где он познал семейное счастье, откуда черпал вдохновение для творческих трудов, активной общественной деятельности, включавшей в себя и устройство аптеки и народной библиотеки в Корине, и арзамасское уездное депутатство, и обязанности выборщика в Государственную думу... Но вмешались внешние силы, омрачившие – навсегда – его бытие...

Александр Богодуров придерживался демократических взглядов, обличал деспотизм, жаждал революционных перемен. Об основах его мировоззрения красноречиво говорит его письмо Л.Н. Толстому (1908 года), не отправленное из-за нежелания беспокоить писателя и сохранившееся в дневнике. Оно не публиковалось и потому представляем его вниманию наших читателей как важный документ времени: «Лев Николаевич, дорогой и великий писатель! Я прочел в “Русских ведомостях” отрывки из Вашего письма о смертной казни “Не могу молчать”. Всего письма мы, благодаря попечительному оку начальства и опасению грабительских штрафов и сидения в крепости для издателей, наверное, долго не увидим; но и то, что известно нам, так же велико, и прекрасно, и полно любви к людям, как и все, что выходит из-под Вашего пера. Только знаете что, дорогой писатель, вот в чем ужас: тех, для кого оно написано, к кому Вы обращаетесь, оно не проймет; Вы напрасно их, по благосердию своему, за людей считаете, которым ничто человеческое не чуждо. Это не так! В течение по крайней мере 400 лет образовался такой великолепный отбор особой породы российской правящей бюрократии, что подходить к ней с человеческим мерилom совершенно невозможно. Я знаю, Вам за людей больно слышать это, но, поверьте, это не так. Не мне напоминать Вам русскую историю, и особенно за последние годы. Вся глубина Вашего таланта, все обаяние силы Вашей личности, все величие провозглашаемых Вами нравственных начал – любви людей друг к другу, – не в состоянии воздействовать на них; иначе – разве могло бы совершаться то, что мы видим даже и до сегодня?! И разве Вы не писали безрезультатно самому Александру III, думая спасти царевубийц от смертной казни?! Великое слово любви, столько раз провозглашавшееся в веках, всегда имело облагораживающее и ободряющее влияние на угнетенных, но, чтобы по слову учителя любви волки-гонители перерождались в кротких агнцев, – этого никогда и нигде не было, в противном случае уж очень легко было бы осуществление

братства и мира меж людьми, установление царства божия на земле. Так что, взывая к отсутствующей совести правителей, Вы думали о них много лучше, чем они есть на самом деле; в то же время я понимаю это – Вы не могли молчать, не могли не откликнуться на наболевший вопрос времени, Ваша чуткая совесть требовала того. Практические же результаты (прекращение казней, насилий, угнетения) могут последовать, согласно Вашему же учению, только тогда, когда сначала единицы, а за ними и массы человечества досамоусовершенствуются настолько, что, ставши морально сильнее тех отбросов человечества, которые их давят, сами возьмут в свои руки устройство жизни. К этому им, насколько статья Ваша проникнет в массы народа, она даст могущественный толчок. Только все сделано для того, чтоб она туда не проникла» [Богодуров 1896–1908, с. 44–48].

За убеждения свои Богодуров арестовывался (еще со студенческих времен), подвергался различным репрессиям. Но – вот горький парадокс! – и после 1917 года он, поборник революционных перемен, оказался в тяжелой опале у власти. У Богодурова, как «дворянина», «помещика», отняли дом, хозпостройки, живность, избирательные права, возможность какого-либо заработка, едва и пенсию не отобрали, и это при том, что в течение трех лет он прослужил в Красной армии, отдал свой долг государству. Многочисленные хождения по инстанциям неизменной *правлящей бюрократии*, уже советской, ходатайства друзей, близких ни к чему не привели.

Свою долю Богодуров считал обобщением судеб многих и многих в тогдашней советской России. И, «доведенный до полного отчаяния незаслуженными преследованиями административного характера», обращается с пространном, исповедальным посланием к известному в прошлом народнику, будущему почетному академику Н.А. Морозову, и теперь уже «не с целью чего-либо просить, но просто проинформировать», потому как «не лишне иметь в руках и ввести в сознание еще один документ современности к имеющимся, несомненно <у него> в изобилии из окружающей действительности» [Богодуров 1930, л. 1]. И *документ* так подытоживается: «Это ли не полное благополучие советского жития, вопреки не только здравому смыслу, но и точной букве закона и духу соответствующих “узаконений” <...>. Итак, уже по слову Некрасова,

день-деньской таскался в люди я,
ночью не жалел чернил;

не добился правосудия,
только сапоги избил.

А теперь и таскаться больше уже некуда, да и научной работой заниматься нет ни сил, ни спокойствия, и средств никаких к содержанию семьи.

Вот это называется “использование научных сил, которых у нас так мало”, и еще многие хорошие названия даются уничтожению последнего здоровья (57 лет), лишению всякого питания и крова всех нас, а детей в особенности» [Богодуrow 1930, л. 2об. – 3].

...Очень жаль, что так сложилась судьба Александра Богодуrowа. А ведь он был незаурядный человек, наделенный несомненными творческими способностями. И общество только бы выиграло, если б они в должной мере были востребованы. Богодуrow писал стихи и публиковал их в журнале «Мир Божий» и нижегородских газетах; виртуозно играл на рояле и сам сочинял мелодии, выступал в прессе с музыкальными рецензиями. Превосходно знал и понимал литературу, умел интерпретировать художественное произведение, чему пример хотя бы его статья «О Бальмонте», увидевшая свет в нижегородской газете «Волгарь» в 1900 году (в номере от 13 декабря). В ней он, в частности, оспаривает мнение Максима Горького (высказанное последним в статье «Стихи К. Бальмонта и В. Брюсова», опубликованной в «Нижегородском листке» 14 ноября 1900 года), «что о таком знаменитом поэте, как г. Бальмонт, никто не решился поговорить серьезно». И вполне обоснованно развивает на этот счет свою аргументацию, давая попутно в целом меткую характеристику поэтического стиля представителя *старших символистов*: «...в лучшей части нашей журнальной критики г. Бальмонт оценен по достоинству и вполне правдиво; как поэт-декадент и символист, он отличается звучными, красивыми, замысловатыми – в техническом отношении – построенными строфами, лишенными, однако, большею частью, смысла, бьющими скорее на звуковой эффект; порою вычурность и “оригинальничанье” становятся прямо несносными и самые темы – невозможными. Как переводчик, г. Бальмонт иногда очень хорош (напр. <имер> “Ченчи” – Шелли), но и тут, как это мы видим в переводах стихотворений Шелли, к чистым, лирически-возвышенным строфам оригинала в переводе нет-нет да и примешивается мутная струя современной “декадентщины”, как будто г. Бальмонт во что бы то ни

стало хочет друга и современника Байрона присоединить к своему лагерю» [Богодуrow 1900, с. 1]. Далее, цитируя Горького: «...берут из его неудачных стихотворений <...> неудачную фразу и глумятся <...> грубо, иногда скверно, *всегда*⁴ несправедливо. А нужно уважать человека...» [Горький 1900, с. 2], Богодуrow с твердостью заявляет: «Позвольте, г. Горький, но нужно же уважать и поэзию, именно “охранять заветы истинной поэзии, традиции Пушкина”⁵ или, по крайней мере, оберегать литературу от вторжения в нее, под именем поэзии, чего-то такого, что общего с нею имеет весьма и весьма мало...». И в этом был несомненный резон!

Потом Богодуrow показывает содержательно-стилевые несообразности стихотворения «Воспоминания о вечере в Амстердаме». И в противность восторженной оценке Горького: «Хорошо это – как молитва, мудрый лепет чистой души...» [Горький 1900, с. 2] – замечает: «Ну, когда это хорошо, так что же тогда плохо-то? Что это “лепет” – не спорю, только лепет далеко не мудрый» [Богодуrow 1900, с. 1].

Горького Богодуrow всегда ставил исключительно высоко как писателя. И тем значимее его статья о Бальмонте, из которой ясно, что в отстаивании дорогой ему истины он независим от авторитета знаменитого *Буревестника*.

Богодуrow был близко знаком с Горьким, переписывался с ним. Уважал его гражданскую позицию и, невзирая на запрет властей, навестил его, ссыльного, в Арзамасе. В 1937 году напечатал интересные воспоминания об Алексее Максимовиче в сборнике «М. Горький на родине» [Богодуrow 1937].

Важным направлением творческих увлечений Богодуrowа было краеведение, в частности, литературное. Так, наш литератор-земляк, лауреат премии Нижнего Новгорода Ю.А. Адрианов считал его одним из знатоков наследия поэта Л.Г. Граве, живущего в народной памяти автором стихов популярного романа «Ночь тиха, над рекой тихо светит луна...» [Адрианов 2002, с. 6]. В отношении к Граве Богодуrow оказался горячим сторонником Горького. Да, собственно, именно последний и стимулировал в немалой степени исследовательские поиски Александра Алавердиевича. Известный ученый, профессор Д.А. Балика писал в газете «Горьковская правда» в 1968 году: «В

⁴ Курсив Богодуrowа.

⁵ Здесь, во внутренних кавычках, «лапках», Богодуrow приводит слова Горького из статьи «Стихи К. Бальмонта и В. Брюсова».

1893 году М. Горький, уже печатавшийся, возвратившись в Нижний Новгород, вторично поступил на службу к присяжному поверенному А.Н. Ланину. В беседах с сыном Ланина – Н.А. Ланиным и его приятелем А.А. Богодуровым он часто упоминал имя поэта Леонида Граве. По свидетельству А.А. Богодурова, сборник стихов Л. Граве, изданный в Москве в 1892 году, через год после смерти поэта, всегда был на его столе» [Балика 1968, с. 4]. Богодуров стал соавтором Балики в работах о Граве: составлен, на правах рукописи, с их предисловием, масштабный сборник стихов поэта, как известных, так и новых (хранится в Нижегородской областной библиотеке им. В.И. Ленина); написана и опубликована в журнале «Горьковская область» содержательная, во многом установочная для своего времени, насыщенная архивным материалом статья «Л.Г. Граве» [Балика, Богодуров 1941а]. Также в соавторстве с Баликой Богодуров напечатал статью о Граве в газете «Горьковская коммуна» в 1941 году [Балика, Богодуров 1941б].

Богодуров стал заниматься творчеством Граве еще с дореволюционных времен. В 1916-м на заседании Нижегородской губернской ученой архивной комиссии он совместно с В.Е. Чешихиным сделал сообщение о важности систематизации и издания стихотворений поэта [Собрание архивной комиссии 1916, с. 2]. И в этом же году выступил в газете «Волгарь» со статьей «К биографии Л.Г. Граве» [Богодуров 1916, с. 4].

Все сколь-нибудь значимые события своей жизни Богодуров отражал в дневнике. Велся он в течение нескольких десятилетий. Обстоятельный, кропотливый, очень ценный в историко-культурном плане труд. Написан притягательным, образным языком, со стремлением соотнести частное бытие автора с общероссийским контекстом. Отрывки из дневника были опубликованы в наше время в нижегородской печати, вызвали интерес и побудили задуматься о более полном издании, с научными комментариями [Богодуров 2006а; Богодуров 2006б].

II

Среди многочисленных интересов А.А. Богодурова был и фольклор. Александр Алавердиевич хорошо знал местные народные песни, так как сам пел их вместе с крестьянами – работниками отца и родственников, и в 1894 году, живя в Москве и будучи студентом пер-

вого курса, в возрасте 21 года он составил рукописный, как сам говорил, *сборник* песен, бережно сохранный до наших дней в семейном архиве внучкой его – Е.А. Новиковой.

Рукопись сборника представляет собой нелинованный блокнот размером 22 см в ширину и 17 см в высоту. Обложка отсутствует, блокнот состоит из 20 листов, заполненных записями. Скрепление листов самодельное, они сшиты ниткой двумя крупными стежками. Состояние рукописи удовлетворительное, однако первый и последний листы отделены от блока из-за потертости на сгибе, при этом первый лист чуть короче: внутреннее поле листа оборвано примерно на 1 см, что привело к отсутствию начальных или конечных элементов букв в отдельных словах. Тем не менее это не затрудняет восприятие текста: все слова читаемы.

Записи в блокноте, вероятно, были сделаны не одновременно: предисловие и ранняя – синими чернилами (12 первых листов), затем – фиолетовыми (последние 7).

Рукопись Богодурова изобилует пометами, сделанными другими, чем запись текста, чернилами или карандашом. Надписи отражают обращение автора к рукописи в разное время: часть их имеет точную датировку (май 1937 г.), о времени появления других мы можем говорить только приблизительно (до или после 1918 г.), основываясь на характеристике орфографии (наличии или отсутствии «ъ», «і», «ѣ» и др. признаков дореформенного правописания). Предназначение этих помет тоже разнообразное. Какие-то пометы делают записи более точными с научной точки зрения, соответствующими нормам фольклорных записей: в рукописи проставлены даты записи (№ 1–8, 28), отмечено ударение (№ 2, 3, 4), вставлены или зачеркнуты отдельные слова или целые строки текстов (№ 2, 3, 4 и пр. – см. сноски в публикации), вписаны варианты строк или куплетов (№ 29, 39). Кроме того, часть помет связана с работой по анализу и отбору материала для архива Краевого Дома народного творчества, выполненной, вероятно, самим Богодуровым в мае 1937 г., о чем говорят сопровождающие пометы: «Списана для Дома нар<одного> творч<ества>. 1937 г., май» (№ 6, 29, 33), «Есть музыкальная запись» (№ 4), «Вариант есть в записях А.С. Пушкина (вероятно, из Болдина)» (№ 9), «бессвязно» (№ 29), «автор?» (помета к № 31 – песне литературного происхождения).

На первой странице в левом верхнем углу крупным почерком сделана запись синим карандашом: «КДН 94 окт», вероятно указывающая на дату составления части сборника (см. предисловие к нему), а аббревиатуру можно расшифровать как «Краевой Дом народного творчества». Кем был проставлен данный «шифр» и в каких целях, неизвестно.

Сборник имеет заглавие «Песни хутора», содержит небольшое (чуть менее страницы) предисловие, снабженное эпитафией, и 40 текстов: 23 песни и 17 частушек с данными о месте, времени записи, с указанием на лицо, от которого текст записывался, и с некоторыми замечаниями разного характера.

Заглавие «Песни хутора», с одной стороны, говорит о предназначении для «своих», о чем будет сказано ниже в предисловии. Заглавие выполняет утилитарную и мемориальную функцию: указывает на место, где были записаны песни, и одновременно отсылает к воспоминаниям о проведенном там времени. Как отмечает сам Богодуров в предисловии ниже, эти песни «стали дороги <...> как воспоминание о светлых и счастливых днях жизни на хуторе».

С другой стороны, название явно литературно маркировано, особенно в сочетании с эпитафией из Н.В. Гоголя. Находящиеся в непосредственной близости название «Песни хутора» (курсив наш. – *Н.Х., Ю.И.*) и фамилия Гоголя отсылают нас к «Вечерам на хуторе близ Диканьки», к идеализированному и лубочно-праздничному взгляду на народную культуру, который мы встречаем там. Такой взгляд, судя по предисловию, был характерен и для молодого Богодурова. Сам текст эпитафии⁶ представляет собой емкое лиро-эпическое описание значимости песни в жизни русского народа. Цитате из Гоголя в эпитафии соответствует далее в предисловии беллетризованный рассказ Богодурова о жизни песен на хуторе, демонстрирующий романтизированное восприятие им фольклора: совместное пение бар и их рабочих, пение в лунную ночь, в ночном, при конных поездках по окрестностям и т.п.

Более ценные сведения о песенной традиции содержатся в попутных замечаниях к текстам. В них приводятся данные о том, что песни

⁶ Эпитафия взята из «Петербургских записок 1836 года», но Богодуров ошибочно ссылается на «Мертвые души». Ошибка, конечно, случайна: писал он, скорее всего, по памяти, опираясь на сохранившиеся гимназические знания.

пелись на русском языке не только русскими, но и мордвой, тут проживающей (см. № 4, 6). Сообщается о распространенности песен: «...распеваются <...> вообще в уезде» (№ 10–26), «Общераспространенная» (№ 38), «...редко поется по нашим деревням» (№ 3). Отмечается, что народные песни знала и пела местная интеллигенция, но репертуар ее, вероятно, частично отличался от крестьянского, так, о песне «Что затуманилась, зоренька ясная...» на стихи А.Ф. Вельтмана (№ 31) сказано, что ее поет «сельская интеллигенция (духовного звания, учительницы и пр.)». Фиксируются сведения о региональных заимствованиях. Например, об исторической песне о смерти царя Александра I (№ 3) написано, что она, скорее всего, принесена крестьянами с отхожих промыслов, с низовьев Волги, а о песне литературного происхождения «Чудный месяц плывет над рекою...» (№ 40): «Из Московской губ<ернии> занесена».

В предисловии указано предназначение сборника: он составлен для практического пользования, основная цель его утилитарная (он должен был содержать тексты для пения в городе, быть репертуарной записью). Вторая цель – мемуарная: песни должны были служить воспоминанием о хуторской жизни.

С практическим назначением сборника связано то, что большое внимание Богодуров уделяет в нем вопросам исполнения – музыкальной стороне песен: указывает на то, какая часть песни поется только запевалой, а когда вступает хор или второй запевала, отмечает повторное пение строк песни и пр. (см. №№ 1, 2, 4, 5, 8, 9, 27, 28).

Собирателем фольклора Богодуров не был, и утверждение некоторых биографов, что он искал песни [Панкратов 2016, с. 26], фактами не подтверждается. Но хотя сборник Богодунова принадлежит к любительской фольклористике, его составитель – человек образованный и явно знакомый с правилами научной записи – требованиями точности и документированности, поэтому на эту сторону он обращает внимание. Так, к примеру, в постраничных сносках он фиксирует вариативность текстов: приводит варианты лексем, словосочетаний, строк («Вар.: солдатик», «Вар.: из Саратова купец», «... или Я солдатика любила, // И мне его жаль, жаль...»), дает объяснение малопонятных или диалектных особенностей произношения («По местн<ому> выговору», «Так называется вышивка на рубахах») или исторический комментарий («... очевидно, что в этой песне исторического содержания упоминается Александр I»),

указывает на неясность отдельных фрагментов в тексте («Отказываюсь объяснить смысл этого слова здесь», «Может быть, “без приливу”?»»).

Однако точность воспроизведения А.А. Богодуровым текста, слышанного от респондента, и точность сопровождающих паспортных сведений относительна. Утверждать это позволяет история сборника, изложенная в предисловии. Сборник «Песни хутора» не первая попытка Богодурова зафиксировать местные песни. Он сообщил в предисловии: «Несколько лет назад я уже записал все певшиеся на хуторе песни; далее я подобрал на рояле все мотивы их в аранжировке для хора с аккомпанементом. Эти средства дали возможность не забыть песни (не мне, я всегда их помнил) моим братьям (а также Махину и Леньке) и петь их в городе». И далее: «Скажу еще, что 1-й сборник был затерян товарищами, и этот написан наизусть, по памяти, что, однако, не препятствует его строгой точности». Таким образом, рукопись сборника является записью по памяти *своего* репертуара, поэтому ссылки на то, от кого песня записана и тем более в каком году, явно условны. Об этом говорят и следующие факты. Одна песня – № 36 – датирована 1884 годом, тогда Богодурову было 10–11 лет! Пять – 1887–1888 годами, он в это время был четырнадцати – пятнадцатилетним (№№ 1, 33, 35, 38,39). Кроме того, даты в первой части сборника (к текстам №№ 1–8 и 28), судя по чернилам, были внесены позднее. Все тексты в этой части рукописи, включая Предисловие, датированное 1894 годом, записаны синими чернилами. В то же время даты к песням написаны фиолетовыми чернилами, такими же, как и записи во второй части рукописи, сделанные в 1897 г. или позже (последняя запись, № 40, датирована 1897 годом). Но бесспорно, что это песни, которые пелись в Хиринской волости Арзамасского уезда, месте нахождения хутора Богодуровых, в самом конце XIX века – в 1880–1890-е гг. Что касается информантов, то Богодуров указал трех мужчин персонально: Листрат, он же Аристарх или Каллистрат, Горожанцев (песни №№ 1, 2, 7), Степан Кольгаев (№№ 29, 30) и Алексей (Ленька) Евстифеев (№ 32). Скорей всего, это те люди, с кем конкретные песни связывались в его воспоминаниях, может быть, запевалы. В остальных случаях указан коллектив: «... со слов коржемокских рабочих» (№№ 4, 9, 28, 33), «... записано со слов коринских девушек» (№ 6).

Богодуров, конечно, записал не весь репертуар, известный местным жителям, он записывал то, что было ему интересно с музыкальной стороны или что пелось «всеми», всем было знакомо, – живой репертуар тех лет, поэтому в составе песен мы видим как старые (например, «Уж ты, маменька моя родима...» (№ 5), «Круг я печки хожу...» (№ 33)), так и новые, литературного склада и авторские (например, «Мамашенька бранится...» (№ 38), «Что затуманилась, зоренька ясная...» (№ 31)), а также только появившиеся частушки. Этим сборник Богодурова интересен: он дает не выборочный срез песенной традиции, например, архаику, а живую традицию.

В сборнике 23 песни, из которых только 4 были записаны в Арзамасском уезде до Богодурова [Карпов 2010, №№ 56 (с. 310–311), 59 (с. 274), 170 (с. 162–164), 165 (с. 152–153)], другие будут фиксироваться в Нижегородской губернии, но в основном уже позднее [Усов 1940, № 7 (с. 70), № 4 (с. 185), № 4 (с. 216), № 11 (с. 240); НПГО 1960, №№ 59–61; Исторические песни 2006, №№ 30.1.86–30.8.93, 32.1.95–32.1.96].

Особый интерес представляют записи частушек: они ценны для изучения истории жанра, формирования частушечной традиции, т.к. принадлежат к числу ранних⁷, а в Нижегородском Поволжье являются одними из самых первых⁸: до А.А. Богодурова несколько частушек записал М.А. Александров в Лыскове и Н. Новгороде в 1886–1890-х гг.⁹ Известно, что частушки при возникновении не имели в народной традиции единого жанрового наименования. Нет его и у Богодурова, хотя, как говорит он, они в эти годы пелись в уезде уже по-

⁷ «Научное открытие частушки» состоялось в 1880-е г., когда на коротенькие народные песни в одной из своих публикаций обратил внимание Г.И. Успенский [Иванова 1999, с. 24]. В академическом библиографическом указателе «Русский фольклор» насчитывается лишь 11 публикаций и исследований о частушке, вышедших до 1894 г. [РФ 1990, №№ 35, 47, 62, 1129, 1233–1234, 2602, 2635, 2680, 2682, 2685].

⁸ Самая ранняя публикация текстов нижегородских частушек датируется 1898 годом, когда в ежедневной газете «Волгарь» была напечатана заметка «Несколько слов о жизни и нравах крестьян Сормовского района» [Корепова 1971, №№ 542–554, 600–615].

⁹ Тексты не опубликованы, хранятся в архиве Русского географического общества: РГО, ф. 23, оп. 1, № 148.

всюду (№ X). А.А. Богодуров называет их «четверостишия и двустишия». Двухстрочные будут называться затем в народной традиции и в науке *страданиями* [Елеонская 1914, с. VII]. Лексема эта есть в частушках сборника Богодурова (№ 11, 12), но как жанровым термином он ею не пользуется. Не использует он и слово *матаня*, хотя так именуется возлюбленная во многих текстах (№ 16–18, 20–22, 25)¹⁰. Среди 17 текстов 10 – двухстрочные, 4 – четырехстрочные, 1 – пятистрочная (возможно, пропущен повтор строки) и 2 – шестистрочные. Позднее в данной местности основной формой станет четырехстрочная и соотношение структурных разновидностей будет другое [Тимин 2025, т. 1, с. 12; т. 2, с. 430–431]. Большинство частушек в богодуровской рукописи (16 из 17) мужские.

Частушки разнообразны по содержанию: большинство о любви, есть рекрутская (№ 17), о гармошке (№ 19), одна частушка о смерти (№ 25). В частушках есть уже сложившиеся инициальные формулы: «Через...» (№№ 13–15), «Прощай...» (№№ 10–11). Варианты некоторых будут записаны спустя три десятилетия в 1920–1930-х гг. И.И. Тиминым [Тимин 2025, №№ 649–650, 754, 766, 2706, 3246].

Вероятно, после составления сборника Богодуров больше фольклор не записывал¹¹.

В 1929 г. на заседании Нижегородской археолого-этнологической комиссии (НАЭК), членом которой Богодуров являлся, он представил доклад о своем собрании песен. Реферат доклада был опубли-

¹⁰ В своем сборнике 1914 г. Е.Н. Елеонская, перечисляя народные названия частушек, встречающиеся в различных местностях, отметила именно наименование *матаня*, как характерное для нижегородской традиции [Елеонская 1914, с. VII].

¹¹ Делаем это предположение, так же как и весь наш анализ собирательской деятельности А.А. Богодурова, основываясь на изучении публикуемой рукописи. В отчете Нижегородской археолого-этнологической комиссии за 1929 г. (см. об этом далее) имеются сведения, которые противоречат высказанному предположению: в отчете указано другое количество песен, собранных Богодуровым, – 55 [НАЭК 1929, с. 17], что расходится с количеством текстов сборника 1894 г. Но нам иные фольклорные записи, сделанные А.А. Богодуровым, пока не известны. Надеемся, дальнейшие публикации материалов из архива Александра Алавердиевича (в первую очередь, его дневников) помогут прояснить этот вопрос.

кован в отчете комиссии, в нем содержались основные сведения о песнях: их общее количество, годы записи, тематический состав, информация о социальной принадлежности исполнителей, а также данные о попытках Богодурова «привести музыкальный вид песни к ее естественному состоянию» и о том, что тексты народной лирики подверглись литературной обработке при записи. При этом ни фрагменты текстов песен, ни их названия в реферате не были приведены [НАЭК 1929, с. 17], т. е. реферат содержал настолько скудную и общую информацию, что, вероятно, был сочтен позднее научным сообществом малоинтересным в плане изучения нижегородских народных традиций. В результате на протяжении более чем полувека мы не встречаем в исследованиях местных ученых никаких упоминаний о фольклористической деятельности А.А. Богодурова¹².

Возвращение имени А.А. Богодурова в ряд имён нижегородских краеведов, интересовавшихся фольклором и этнографией, произошло лишь в начале XXI в. В 2002 году историк Н. Н. Тамбовцева защитила кандидатскую диссертацию «Историческое краеведение в Нижегородской губернии 20-х годов XX века», в которой, в разделе, посвященном этнографическим исследованиям 1920-х гг., упомянула о собрании песен Богодурова, основываясь на отчете НАЭК [Тамбовцева 2002, с. 179]. В 2000-х – 2010-х гг. были опубликованы краткие очерки жизни А.А. Богодурова, его беллетризованная биография (документальная повесть), воспоминания и дневники его родственников (современников и потомков), кроме того, изданы фрагменты его личных дневников [Богодуров 2006а; Богодуров 2006б; Новикова 2006; Инжутов 2014¹³; Садовский 2014–2015; Панкратов 2016;]. В большин-

¹² В 1960–1970 е гг. местными фольклористами были написаны обзорные статьи об истории нижегородской фольклористики XIX в. и составлен указатель нижегородских фольклорных материалов, опубликованных и хранящихся в архивах [Потявин 1960; Корепова 1971]; в 2010-е гг. вышел пятитомный академический библиографический словарь «Русские фольклористы» [РФБС]. Ни в одной из этих работ имя А.А. Богодурова не было упомянуто.

¹³ Данная статья представляет собой расширенную версию очерка из сборника 2006 года «Шатки и шатковцы» [Богодуров 2006б], дополненного в основном новыми фрагментами из дневников Богодурова.

стве публикаций интерес Богодурова к фольклору был отмечен [Богодуров 2006б, с. 49¹⁴; Новикова 2006, с. 126; Панкратов 2016, с. 26]. Вместе с тем, представленные сведения оставались довольно общими: повторялась информация из отчета НАЭК, а также добавлялись некоторые новые детали о фольклорной деятельности Богодурова, полученные от его родственников или из его дневников. При этом в публикациях по-прежнему не приводились тексты и даже не упоминались названия их. Таким образом, в данной публикации записи А.А. Богодурова вводятся в научный и читательский оборот впервые.

Публикуется полный текст рукописи А.А. Богодурова. Все тексты печатаются в соответствии с нормами современной орфографии и пунктуации. Исключения сделаны в случаях, где это необходимо для сохранения ритма и отражения диалектных особенностей. Сокращения слов, раскрытые публикаторами, а также вставленные для лучшего понимания текста слова заключены в квадратные скобки.

Строки и слова, добавленные в рукопись А.А. Богодуrowым после первоначальной записи, в публикации выделены курсивом. Постраничные сноски, сделанные им к текстам песен, приводятся в Примечаниях (сопровождаются указанием: «Помета авт.»). Текстологические замечания публикаторов, отражающие характер рукописи (зачеркивания, вставки и т.п.), отражены в постраничных сносках. В Примечания также включены ссылки на нижегородские варианты текстов (приводятся только синхронные записи, изданные в разные годы) и указания авторов к песням литературного происхождения.

Сохранена богодуровская нумерация текстов (римскими цифрами), но, поскольку она не последовательна (все частушки даны им под одним номером), введена дополнительно сплошная – арабскими цифрами, она заключена в угловые скобки.

¹⁴ Сведения полностью повторяются в другой публикации [Инжутов 2014, с. 295].

Песни хутора

Сколько на Руси песен! Наша Украина звенит песнями. По Волге, от верховья до моря, на всей веренице барок заливаются бурлацкие песни. Под песни рубятся из сосновых бревен избы по всей Руси. Под песни мечутся из рук в руки кирпичи и, как грибы, вырастают города. Под песни баб пеленается, женится и хоронится русский человек. Дорожные летят под песни ямщиков. У Черного моря смуглый казак, заряжая пищаль свою, поет старинную песню; а там, на другом конце, верхом на плывущей льдине, русский промышленник бьет острой кита, затягивая песню.

«Мертвые души» Н.В. Гоголя.

Каждое лето, живя на хуторе, я слышу наши русские песни; я люблю их слушать, а еще более – петь хором. Хор наш, состоявшийся в прежние года летом из рабочих, живших на хуторе, нас самих и не представлявший чего-либо правильно организованного, пел, естественно, местные песни и очень редко – иные. В деловую летнюю пору случалось нам петь по вечерам после ужина рабочих. В теплые ночи мы садились на крыльцо людской и наши песни далеко разносились в тихом ночном воздухе. Луна освещала нас своим матовым светом. На душе бывало тогда отрадно и покойно. Иной раз, обыкновенно уже к концу лета, когда рабочие выгоняли табун на скошенный луг в ночное, мы садились все к стогу, и, укрывшись от холодка ясной звездной ночи, также пели песни: то веселые и быстрые, то грустные и протяжные... Когда мы, нагрузив снопами скрипучие телеги, шли поодаль за ними по мягкой пыльной дороге, мы не могли удержаться от песни, и, переходя от воза к возу, она захватывала всех... Часто ездя вдвоем и втроем на беговых дрожках то по селам, то в лес, будь то днем, ночью ли, мы всегда пели наши хуторские песни. Потому-то они стали дороги мне как воспоминание о светлых и счастливых днях жизни на хуторе. Несколько лет назад я уже записал все певшиеся на хуторе песни; далее я подобрал на рояле все мотивы их в аранжировке для хора с аккомпанементом. Эти средства дали возможность не забыть песни (не мне, я всегда их помнил) моим братьям (а также Махину и

«Ты восстань, восстань, мой милый,
 Гусарик* убитый,
 Трай, рай ... и т.д.
 Твой конь вороной
 Во лужках гуляет,
 Трай, рай ... и т.д.
 Меня, младу, молоденьку
 Домой дожидают,
 Трай, рай ... и т.д.
 Чем я мужу не жена,
 В доме не хозяйка?
 Трай, рай ... и т.д.
 Три дни** хату не топила,
 А на печке***17 жар, жар,
 Трай, рай ... и т.д.
 Я гусара не любила,
 А мне его жаль, жаль...****
 1888 г.

<2> – II

Записана со слов того же Листрата. Каждый стих начинается с запева «Эх» или «Эй».

Запевало: Эх, в Таганроге...

Хор: Эх, в Таганроге*,

В Таганроге случилась беда: (2)

Запевало: Эх, там убили...

Хор: Эх, там убили,

Там убили молодого казака; (2)

*Схоронили у ракитова куста*¹⁸.

Запевало: Эх, там летели...

Хор: Эх, там летели**,

Там летели два ясные сокола, (2)

Запевало: Эх, вот они летели...

Хор: Они летели,

¹⁷ Зачеркнуто карандашом «на печке».

¹⁸ Строка вписана фиолетовыми чернилами.

Они летели, сели к вдовушке на двор. (2)
 Запевало: Они крылами...
 Хор: Они крылами,
 Они крылами широк дворик размели, (2)
 Запевало: Эх, голосьями...
 Хор: Эх, голосьями,
 Голосьями вдовушку будили: (2)
 Запевало: «Эх, встань, проснися...
 Хор: Эх, встань, проснися, молодая вдовушка! (2)
 Запевало: Эх, ты послушай...
 Хор: Эх, ты послушай,
 Ты послушай, что соседи говорят: (2)
 Запевало: Эх, тебя вдовыньку...
 Хор: (Эх)*** тебя вдовыньку
 Тебя вдовыньку ругают и бранят. (2)
 Запевало: Эх, все солдаты...
 Хор: (Эх)*** все солдаты,
 Все солдаты во побыв домой идут, (2)
 Запевало: Эх, твою мужа...
 Хор: (Эх)*** твою мужа,
 Твою мужа во крове**** всего несут, (2)
 Запевало: Эх, а одежду...
 Хор: Эх, а одежду,
 А одежду во колясочке везут, (2)
 Запевало: Эх, его коня...
 Хор: Эх, его коня,
 Его коня за шелков повод ведут. (2)
 1890 г.

<3> – III

Следующая песня редко поется по нашим деревням; вернее всего, что она, будучи распространена в Симбирской губернии, занесена в нашу местность крестьянами, ходившими на работы «на низ» Матушки-Волги.

Выезжает Александр* наш свою армию смотреть.
 Обещался Александр наш к Рождеству домою быть.
 Все празднички на проходе – Александры-царя дома нет!
 Пойду выйду на ту башню, которая выше всех,

Погляжу я в ту сторонку, в коей Александр наш был¹⁹;
По питерской по дорожке пыль – столбом она стоит,
Пыль столбом она стоит – молодой курьер бежит²⁰.
Я пойду спрошу курьера: «Ты куда, курьер, бежишь?
Ты скажи-ка нам, курьер, про Алéксандру-царя!»²¹
«Вы скидайте алы шали, надевайте черный траур;
Всю правдушку вам скажу²² про Алéксандру-царя:
Наш Алéксандр-император в Таганроге жизнь скончал!
Что двенадцать генералов на главах царя несут,
Вот не двое ли армейских ворона коня ведут,
Не четыре ли гвардейских со знаменами идут».
1890 г.

<4> – IV

Записана со слов коржемотских²³ рабочих; поется и по мордовским окрестным селам; замечательна по моему тем, что начало ее похоже на известную песню Офелии. Каждый стих запеваается и повторяется потом хором.

Есть музыкальная запись²⁴.

Не сказать ли вам, подружки, про несчастье про свое:
Вы знавали (ль) мово друга? Какой бравый молодец!
Какой бравый, бел-кудрявый, первый гвардии боец*.
Черный ворон, храбрый воин отмечался на войне;
На нем шапочка пухова – полковником разъезжал.
*Со врагами крепко дрался, востру шашку изломал;
Изломивши востру шашку, мил головку положил,*

¹⁹ Зачеркнута часть строки («... в коей Александр наш был»), над ней: «со которой должен быть».

²⁰ Карандашом зачеркнуто «бежит», внесено «спешит».

²¹ Карандашом переправлено «ты» на «раз», получилось слово «расскажи»; после слова «курьер» вверху вставлено «ты».

²² Карандашом вставлено «я».

²³ Богодуров при упоминании рабочих из с. Коржемок использует прилагательные «коржемоксские» (№№ 1, 33) и «коржемотские» (№№ 4, 9, 28).

²⁴ Предложение написано карандашом.

*Положил милой головку во турецкой земле*²⁵.
Он теперь за морями мил на кладбищах лежит.
Там и девица гуляла круг** двенадцати часов;
Ей на встречу попадался в белом саване мертвец.
«Что ты, дева, кака смела, не боишься ничего?»
«Да чего же мне бояться? здесь мой милый схоронен?»
«По чему ж его признаешь? где твой милый схоронен?»
«А могилка-то его – большая, вся усыпана песком,
На ней памятник тяжелый – девяносто семь пудов,
На нем крестик был отличный, весь унизан жемчугом²⁶.
Как на этом памятнике²⁷ нарисованы слова,
Нарисованы слова – золотые литеры»²⁸.
1890 г.

<5> – V

Запевало начинает 1-й стих, хор подхватывает на полуслове и доканчивает второй стих; затем запевало повторяет этот второй стих, вставляя слова «меня», «верно» и др. (подставленные в скобках), подхватываемый также на полуслове.

Запевало: Уж ты, мамень- *Хор* -ка моя родима,
Зачем на горе родила?
Зап.: Зачем на горе *Хор* меня родила,
Зачем глупого женила?
Зап. Зачем глупого *Хор* меня женила?
Не женила – погубила.
Не женила *Хор* – верно погубила:

²⁵ Выделенное курсивом – поздняя ставка карандашом и фиолетовыми чернилами в дореволюционной орфографии.

²⁶ Карандашом переправлено «был» на «пре», получилось слово «преотличный».

²⁷ Слово подчеркнуто фиолетовыми чернилами и указано, что его нужно переместить: «Как на памятнике этом...».

²⁸ После трехстрочной вставки карандашом отчеркнута линия нижнего поля и написано двустилие (орфография послереволюционная):

Светит месяц, светят звезды,

Светит день белой заря.

Возможно, предполагалась запись еще одной песни.

Жена мужа не любила (и т.под.).
Жена мужа верно не любила,
Постелюшку (ему) не стелила,
В заголовье (ему) мало клала,
Одеваться (ему) нечем стало.
Уж ты, день ли, (верно) мой денечек,
День прекрасный, (верно) вечерочек!
Проходи, день, (верно) поскорее,
Приди, ночка, (верно) потемнее!
Мне сегодняшний день (верно) скука:
Со милым дружкой разлука.
Разлучает (верно) нас неволя,
Чужедальняя (верно) сторонка, (2 раза)
Петербургская (верно) дорожка!
Сколько раз по ней езжала,
Сколько писем посылала!
Мои письма не доходят,
Слуги верны не доносят.
Слуги верные (верно)²⁹ злодеи –
Разлучить с милым (меня) хотели.
Нас тогда с тобой разлучат,
Когда в гроб меня положат,
Гробовой доской захлопнут,
Во сыру землю заруют,
С гор желтым песком засыплют³⁰,
Правой ноженькой притопнут.
1889 г.

<6> – VI

Поется в Корине у мордвы; записано со слов коринских девушек.

От какой, милой, хорошенькой отстал,
Он какую негодяйку любить стал!
Негодяйка парня высушила,
Без морозу сердце вызнобила,
Без морозу, без осеннего дождя.

²⁹ Карандашом надписано «они».

³⁰ Строка вписана другими чернилами.

Разливалось сине море широко,
Заиграла щука-рыба глубоко.
Как над* рыбинкой** сбиралися ловцы,
Все ловцы, ловцы – удалы молодцы.
Выезжали в инодальни города,
Закупали шелковые невода.
Стали рыбинку*** вытягивати,****
Стали рыбинку*** выпрашивати:
«Хорошо ли те, щука-рыба, без воды?
Хорошо ли холостому без жены?
Без жены, жены постелька холодна,
Одеяльце все заиндевело,
Подушечка потонула во слезах».
1891 г.

<7> – VII

Записано со слов Листрата.

С переходом* в чистом поле
Зацвели волочки**.
Чем, чем полюбила?
– Что черновы строчки***.
Перестани, козачина,
До меня ходити,
Меня, *меня*³¹, молодую,
С разума сводити!
Брала ключи у матери –
Мати не почула;
А я свово милого
До сея скликнула.
Уж ты, милый, миленочек,
Потешь мою душу!
1892 г.

³¹ Вписано карандашом.

<8> – VIII

Со слов одной из коринских девушек.

- Запевало: Как на реченьке Дунае
Перевоз Дуня держала.
- Хор: В роще калина – темно, не видно,
Соловейки не поют.
- Зап. Пришел к Дуне батюшка:
– Перевезь меня, Дунюшка.
– А я тебя не ждала,
Перевозчика не нашла.
- Хор: В роще калина – темно, не видно,
Соловейки не поют.
- Зап. Пришла к Дуне матушка:
– Перевезь меня, Дунюшка.
– А я тебя не ждала,
Перевозчика не нашла.
- Хор: В роще калина – темно, не видно,
Соловейки не поют.
- Зап. Пришел к Дуне милый друг.
– Перевезь меня, Дунюшка.
– А я тебя все ждала,
Перевозчика уж нашла.
- Хор: В роще калина – и светло, и видно,
Соловейки все поют.
1890 г.

<9> – IX

Со слов коржемотских рабочих. 1-й стих запеваётся и начало 2-го; потом пристаёт 2-й запева́ло, и так два раза; после чего хор продолжает, повторяя 2-й стих 2 раза. Далее 1-й запева́ет начало 3-го стиха и т.д.

- Зап. Йй. Уж ты, Дуня Фомина, Фомина!
По бе... Зап. П и I по бережку, (2)
- Хор: По бережку ходила-гуляла. (2)
- Зап. Йй. Ногой... Зап. П и I ногой Дуня, (2)
- Хор: Ногой Дуня топнула, хлопнула, (2) (и т.д.)

Сторонушку вспомнила-вздумала.
«А свет моя родимая сторона!»
Во той стране нова кузенка стоит,
Во кузнице молодые кузнецы.
Они куют, принаваривают,
К себе Дуню приговаривают:
«Пойдем, Дуня, в огород, в огород,
Сорвем, Дуня, лопушок, лопушок
*Под семенький корешок, корешок*³².
Сошьем Дуне сарафан, сарафан.
А пуговики репеек, репеек,
А ленточки – шавелек, шавелек,
А гарусы, (а гарусы) – столбунец, столбунец.
Носи, (носи), Дуня, поблюдай, поблюдай,
*В коробочку запирай, запирай*³³,
По праздничкам надевай, надевай,
За лавочку не кидай, не бросай.
За лавочкой таракан, таракан –
Проел Дуне сарафан, сарафан... *и далее*³⁴

Х

Разнообразные эти четверостишия и двустишия распеваются как в Корине, Шатках, Хирине, так и в Коржемке и вообще в уезде.

<10>

Прощай, милка, я уеду –
Не увидишь мово следу.

<11>

Прощай, милка, до свиданья,
Не забудь мово страданья!

<12>

Страданье, страданьице:
Кому милка достанется?!

³² Строка вписана фиолетовыми чернилами.

³³ Строка вписана фиолетовыми чернилами.

³⁴ «И далее» вписано карандашом.

<13>

Через темненький лесочек
Подай, милка, голосочек.

<14>

Через каменну ограду
Подай, милка, винограду.

<15>

Через быстру реченьку
Подай, милка, рученьку.

<16>

– Матаница, дай напиться!
Вода мутна – не годится.
– Постой, вода устоится –
Тогда дам тебе напиться.

<17>

Все наши матаницы
Гуляют при радости,
А я, мальчик, при печали –
Во солдаты записали:
Двадцать пятого числа
Жеребьевочка была...

<18>

За хорошую матаню
Все товарищи бранят,
За хорошую матаню
Все побить меня хотят.

<19>

Что, горбушка* не играешь?
Али тебе** тону нет?
Девятиладовая,
Десятирублевая?

<20>

У горбушки тонкий бас,
У матани – один глаз.

<21>

Матаничка-любочка –
С оборочкой юбочка.

<22>

Ты, матаня, вольный свет,
Скажи, любишь али нет?

<23>

Что ты, милка, лицемеришь?
Я люблю, а ты не веришь*.

<24>

Одно облако высоко,
А другое – низко.
Одна милая далеко,
А другая – близко.

<25>

Все матани идут с нами,
А моей матани нет –
Улетела на тот свет.
На том свете проведу* –
Я матаню разыщу...

<26>

Саничка, Саничка,
Я тебе не парочка:
Ты богат, а я бедна –
Разольемся, как вода.
Разливался лед с водою,
Да не я, милой, с тобою.

<27> – XI

Зап. Миша по улице ходит да плачет,

Хор: Плачет.

Увидала Настя

Дорогого гостя:

– О чем, Миша, плачешь?

Чего Миша хочешь?

– Плачу я, плачу:

На широкий двор хочу.

Настя Мишу утешает,

На широкий двор пушает:

– Подь, Мишечка-раздушечка,

Подь сюды, подь...

Подь!

Зап. Миша по дворику ходит да плачет,

Хор: Плачет.

Увидала Настя

Дорогого гостя:

– О чем, Миша, плачешь?

Чего, Миша, хочешь?

– Плачу я, плачу:

В новы сенички хочу.

Настя Мишу утешает,

В новы сенички пушает:

– Подь, Мишечка-раздушечка,

Подь сюды, подь...

Подь!

Зап. Миша по сеничкам* ходит да плачет,

Хор: Плачет...³⁵

Зап. Миша по³⁶ сеничкам ходит да плачет,

Хор: Плачет...^{**37}

³⁵ Примеч. Богодурова: «Далее то же самое, что и выше, только последовательно изменяются две строчки: “плачу я, плачу: к тебе (или: в нову) горенку хочу”» и “в нову горенку пушает”».

³⁶ Подписано сверху карандашом.

³⁷ После этой строки карандашом записаны 2 стиха:

<28> – XII

Записано со слов коржемотских рабочих. Запеваётся первый стих; хор поёт остальные 3; 3-й ст<их> опять запеваётся и т.д.

Черно море без проливу*,
Море ходит брадежом**;
Два часа одна минута
Оборот судно даёт***.
Три я года был в разлуке,
Я милую не видал –
Отправлялся в Черно море,
Паруса я приподнял.
Еду, еду, не доеду
До знакомых бережков.
Чуть завидел с моря пристань,
Якорь бросить приказал.
Сам скорее-скорее в лодку –
Я на берег поспешал.
Тут мне встретилась милая,
Ненаглядная моя:
«Ты отдай кольцо венчально **** –
Разлучают нас с тобой!
Крест, Евангелье готово,
И священник в храме ждёт,
А я, горькая, несчастна,
Заливаюся слезой...»
1889 г.

<29> – XIII

Со слов Степана Кольгаева из Корина.

Сон мой милый, сон счастливый,
Воротись-ка, сон, назад!
Сделай Любушку* счастливой,

К тебе в горницу хочу.

Вопрошала Настя дорогого гостя.

Запись сделана в соответствии с нормами послереволюционной орфографии.

Приспокой в последний раз!
Две разгорькие кукушки
Во зеленый сад летят.
Две прекрасные девчонки
Под окошечком сидят.
Под окошечком сидят,
Про милого говорят,
Про милого, дорогого,
Любезного своего.
«Без милого жить не можно,
Без радости не усну³⁸.
Хоть усну, усну младенька –
Дружка видится во сне.
Померла наша надежда³⁹,
И скончалася любовь.
Ручки к сердцу приложила,
Грудь накрыла полотном,
Полотном, белым холстом –
Побежали за попом.
Поп и певчие пропели,
На кладбище понесли.
Становили гроб на землю –
Простоналася земля.
Все селения** сказали,
Что пропала та душа...»
1895

<30> – XIV

Со слов Степана Кольгаева из Корина.

Разаленький цветочек
Зачем рано повял?
Любил парень девчонку,
Любить он перестал.
Он с этою с любовью

³⁸ Карандашом вариант: «Не с кем скуку разгулять», а ниже: «и см. далее».

³⁹ Карандашом написано: «Бессвязно».

В темницу жить попал.
Мне в той тюрьме несносно:
Разбойнички сидят.
Сидел он дожидался
Двух грозных палачей.
Секите вы, рубите,
Не плачьте обо мне:
Того я был достоин,
Того я заслужил.
И я был в поле воин
На вороном коне,
Ни конному, ни пешему
Проходу не давал,
Развольну малу пташку
С налету убивал,
Красавицу девчонку
С набегу целовал.
Я спрашивал девчонку:
Ты любишь ли меня?
И если ты полюбишь,
Возьму я за себя.
А если ты не любишь,
Убью я сам себя,
Убьюся, застрелюся
Каленою стрелой.
1893 г.

<31> – XV

Поэт деревенская интеллигенция (духовного звания, учительницы и пр.).

Что затуманилась, зоренька ясная,
Пала на землю росой?
Что пригорюнилась, девица красная,
Очи блеснули слезой?
Жаль мне покинуть тебя, одинокую,
Певень ударил крылом;
Скоро уж полночь. Дай чару глубокую,
Вспень поскорее вином...

Время! Веди ты коня мне любимого,
Крепче держи под уздцы.
Едут с товарами в путь из Касимова
Муромским лесом купцы.
Есть для тебя у них кофточка шитая,
Шубка на лисьем меху,
Будешь ходить ты вся в золоте литая,
Спать на лебяжьем пуху.
Много за душу твою одинокую,
Много я душ погублю.
Я ль виноват, что тебя, черноокою,
Больше, чем душу, люблю!⁴⁰
1890

<32> – XVI

Пел Ленька (Алексей Евстифеев).

У дедушки Носа
Посеяно просо.
Как на том просе
Велись перепелки.
Они поживали,
Гнезда завивали,
Детей выводили.
Дети оперились –
Люди удивились.
Дети полетели –
Люди поглядели;
Дети на дуб сели,
А мы песню спели.
1893

<33> – XVII

*Со слов Коржемокских рабочих*⁴¹.

Круг я печки хожу,

⁴⁰ Карандашом запись: «автор?».

⁴¹ Написано карандашом.

Круг муравленною,
Я на печку гляжу,
На муравленную.
Открывайся, заслон,
Вынимайся, пирог,
Наедайся, душа,
Душа зятюшкина.
Он наелся, как бык,
Сам не знает, как быть,
Он за печкой лежит,
За муравленною.

Круг я бочки хожу,
Круг дубовенькою,
Я на бочку гляжу,
На дубовенькую.
Оттыкайся, гвоздок,
Выливайся, медок,
Напивайся, душа,
Душа зятюшкина.
Он напился, как бык,
Сам не знает, как быть,
Он за бочкой лежит,
За дубовенькою.

Круг постельки хожу,
Круг пуховенькою,
На постельку гляжу,
На пуховенькую.
На постельку хочу,
На пуховенькую.
Высыпайся, душа,
Душа зятюшкина.
Он проспался, как бык,
Сам не знает, как быть,
За постелькой лежит,
За пуховенькою.
1888 г.

<34> – XVIII

Солдатская. Пели в Арзамасе, а также наши работники.

Поле чистое, поле турецкое,
Мы когда тебя, поле, пройдем⁴²,
Когда, чистое, прокатимся?
На том поле, на том чистом⁴³
Мы сойдемся с неприятелем,
Как со той ордой неверною,
Со турецким славным корпусом.
На турецкий славный праздничек⁴⁴
Турки пьяны напивались,
Во хмелю, вишь, похвалялися:
«Мы Рассеюшку насквозь пройдем,
Граф-Паскевича в полон возьмем».
Граф-Паскевич разговаривал⁴⁵:
«Уж вы, братцы, бейте, не робейте,
И за морями знают нас!..»⁴⁶
1895 г.

<35> – XIX

Пели в с. Хирине Арз<амасского> уезда.

Вдоль по улице метелица метет,
За метелицей мой миленький идет:
Ты постой, постой, красавица моя,
Дай мне, радость, насмотреться на тебя!
На твою ли на прекрасну красоту,
На твое ли да на белое лицо!
Ты постой, постой, красавица моя,
Дай мне, радость, насмотреться на тебя!
Красота твоя с ума меня свела,
Сокрушила добра молодца меня.

⁴² Карандашом вписан стих: «Все пути славны дороженьки?»

⁴³ Буква «ё» вписана карандашом.

⁴⁴ Карандашом вписан стих: «В разнесчастный день во середу».

⁴⁵ Карандашом вписан стих: «Славным русским он наказывал».

⁴⁶ Карандашом вписан стих: «Знали дедов и отцов».

Ты постой, постой, красавица моя,
Дай мне, радость, насмотреться на тебя!..
1888 г.

<36> – XX

Пели в с. Ростяпине.

Среди лесов дремучих
Разбойнички идут
И на руках могучих
Товарища несут.
Носилки не простые
Из ружей сложены,
А поперек стальные
Мечи положены.
На них лежит сраженный,
Лежит лесов боец,
Во время жаркой битвы
Сразил его свинец.
Сечется кровь из раны
По лбу и по вискам,
Багровою струею
Течет по волосам.
Ремни и эполеты
Изрублены висят,
Два длинных пистолета
За поясом блестят.
Товарищи вступили
Все дружно вчетвером,
В могилу опустили
Товарища свою.
Порой на этом месте
Соловушка свистал,
Порой на той могиле
И ландыш расцветал.
Порой на той могиле
Красавица сидит,
С унылой головою
Печально вдаль глядит:

И в той стране далекой
Ее милой убит.
1884 г.

<37> – XXI

Я посею лебеду на берегу,
Мою крупную рассадушку,
Мою крупную, зелененькую.
Погорела лебеда без дождя,
Моя крупная рассадушка,
Моя крупная, зелененькая.
Пошлю казака по воду,
Пошлю молода по воду.
Ни воды нет, ни казаченьки,
Ни воды нет, ни молоденького.
Эх, кабы мне, младой, ворона коня,
Я бы вольная казачка была.
Я бы вольная, молоденькая,
Скакала, плясала по лужкам,
По зеленым дубровушкам
С донским, с молодым казаком,
Со удалым добрым молодцем...
1889 г.

<38> – XXII

Общераспространенная.

Мамашенька бранится,
О чем дочка грустна.
Сама про то не знает,
Что дочка влюблена.
Люблю дружка смертельно,
Люблю я всей душой,
А он, какой коварный,
Смеется надо мной.
Не смейся, злодей-варвар,
Не смейся надо мной:
Тебя Господь накажет
Несчастною судьбой,

Несчастною судьбою –
Коварною женой...
Не в поле ветер свищет –
Военный гром гремит.
Никто ж так не сражался,
Как милый на войне,
Он пули не боялся,
Все думал обо мне.
Две пули пролетели –
Мой миленький убит!
Убит, убит мой милый,
Под кустиком лежит.
Его шинель, фуражка
На кустике висят.
Его тело исгнило –
Нельзя его собрать.
Пришло письмо печально:
Мой миленький убит.
1888 г.

<39> – XXIII

Солдатская.

– Солдатушки, бравы ребятушки,
Где же ваши матки?
– Наши матки – белые палатки,
Вот где наши матки!
– Солдатушки, бравы ребятушки,
Где же ваши жены?
– Наши жены – ружья заряжены,
Вот где наши жены.
– Солдатушки, бравы ребятушки,
Где же ваши сестры?
– Наши сестры – штыки-сабли востры,
Вот где наши сестры.
– Солдатушки, бравы ребятушки,
Где же ваши братцы?
– Наши братцы – за спинами ранцы,
Вот кто наши братцы!

– Солдатушки, бравы ребятушки,
Где же ваши детки?
– Наши детки – пули⁴⁷, пули метки,
Вот где наши детки!
– Солдатушки, бравы ребятушки,
Где же ваши тетки?
– Наши тетки – три косушки водки,
Вот где наши тетки!⁴⁸
– Солдатушки, бравы ребятушки,
Где же ваши тещи?
– Наши тещи – Марьиновы рощи,
Вот где наши тещи!
– Солдатушки, бравы ребятушки,
Где же ваши деды?
– Наши деды – славные победы,
Вот где наши деды!
– Солдатушки, бравы ребятушки,
Где же ваш отец?
– Наш отец – Царь-молодец,
Вот где наш отец.
1887 г.

<40> – XXIV

Из Московской губ<ернии> занесена.

Чудный месяц плывет над рекою,
Все в объятьях ночной тишины.
Я сижу и люблюсь тобою,
Все тобой, дорогая моя...
– Ничего мне на свете не надо,
Только видеть тебя, милый мой,
Только видеть тебя бесконечно,

⁴⁷ Карандашом зачеркнуто «пули», вписано «ядра».

⁴⁸ Сбоку карандашом вписан куплет:

...

Где же ваши дяди?

– Наши дяди – городские ... (дан вариант «Канавински ...»)

Вот где наши дяди!

Любоваться твоей красотой!
Но, увы, коротки наши встречи:
Ты спешишь на свиданье с другой.
Ну иди, пусть одна я страдаю,
Пусть напрасно волнуется грудь!
Для кого ж я жила и страдала
И кому я всю жизнь отдала?
Как цветок ароматный весной,
Для тебя одного расцвела.
Ты поклялся любить меня вечно,
Как голубку лаская всегда;
А теперь – насмеялся беспечно,
Насмеялся и бросил меня!
Только яркое солнце высоко
Над крестом моим бедным взойдет,
Белый камень лежит одиноко,
Точно сторож могилки моей.
– Ах, зачем не воскреснешь ты снова,
Как цветок ароматный полей?..
1897 г.

Примечания

<1> Помета авт.: * солдатик; ** по местн<ому> выговору; *** А в горнушке...; **** Я солдата не любила... или Я солдатика любила, // И мне его жаль, жаль...

Var.: Карпов 2010, № 165 (с. 152–153).

<2> Помета авт.: * Этот второй запев могут петь двое запевал (тенор и бас), а дальше – уже хор; ** В нек<оторых> стихах, где того требует размер, «эх» опускается, в иных же местах поется «эх, вот», и даже «они»; *** иногда «эх» выпускается; **** по народн<ому> выговору.

<3> Помета авт.: * царь наш Александра; очевидно, что в этой песне исторического содержания упоминается Александр I.

<4> Помета авт.: * из Саратова купец; ** около.

<6> Помета авт.: * под; ** на рыбинку; *** рыбушку, рыбицу; **** подтягивати.

<7> Помета авт.: * отказываюсь объяснить смысл этого слова здесь; ** цветки полевые; *** так называется вышивка на рубахах.

<9> Var.: Усов 1940, № 4 (с. 185).

<10> Var.: Александров (неопubl., зап. 1886–1890-е гг.).

<11> Var.: Александров (неопubl., зап. 1886–1890-е гг.).

<13> Вар.: Тимин 2025, № 649 (как вторая часть четырехстрочной частушки-диалога, женский вариант), 650 (четырёхстрочная), 766 (женский вариант).

<14> Тимин 2025, № 754 (четырёхстрочная, женский вариант).

<15> Тимин 2025, № 649 (как первая часть четырехстрочной частушки-диалога), 2706 (четырёхстрочная, женский вариант).

<19> Помета авт.: * гармошка, т.е. гармоника; ** собств. «в тебе».

Вар.: Тимин 2025, № 3246 (сходны первые две строки).

<23> Помета авт.: * Тебя любят – ты не веришь.

<25> Помета авт.: * Я записку напишу.

Вар.: Александров (неопубл., зап. 1886–1890-е гг.), тоже пятистрочная.

<27> Помета авт.: * по горенке; и далее опять: в новы сенички и т.д. (Текст, начиная с «и далее», зачеркнут карандашом. – Н.Х.); ** Повторяется то же самое в обратном порядке. (Зачеркнуто карандашом. – Н.Х.)

Вар.: Карпов 2010, № 56 (с. 310–311).

<28> Помета авт.: * может быть, «без приливу»? ** смысл понятен, но слово? *** непонятно (Сноска вписана фиолетовыми чернилами. – Н.Х.); **** сохранно.

<29> Помета авт.: * или: Машеньку; ** «Вся вселенная сказала...»

<31> Песня литературного происхождения, автор стихов – А.Ф. Вельтман. Вар.: Усов 1940, № 11 (с. 240).

<35> Песня литературного происхождения, автор стихов – Д.П. Глебов. Вар.: Усов 1940, № 4 (с. 216).

<36> Песня литературного происхождения, автор стихов – В.Ф. Миллер. Вар.: Усов 1940, № 7 (с. 70).

<37> Вар.: Карпов 2010, № 59 (с. 274).

<39> Вар.: Карпов 2010, № 170 (с. 162–164).

<40> Песня литературного происхождения, в основе – стихотворение В.И. Немировича-Данченко «Ты любила его всей душою».

Источники

Александров – Александров А.А. Песни и суеврия. Получены в 1897 г. // Архив РГО. Ф. XXIII. Оп. 1. Рук. № 148.

Богодуrow 1867 – Богодуrow А.А. Обзор хода крестьянского дела в Нижегородской губернии // Нижегородский сборник, издаваемый Нижегородским статистическим комитетом. Нижний Новгород, 1867. Т. 1. Часть 1. С. 1–84.

Богодуrow 1930 – Богодуrow А.А. Письмо Н.А. Морозову // РАН. Архив почетного академика Н.А. Морозова. Ф. 543. Оп. 4. Дело № 182. 3 л. URL: https://www.ras.ru/namorozovarchive/5_actview.aspx?id=1911 (дата обращения 20.01.2025).

Богодуrow 1937 – Богодуrow А.А. Из воспоминаний о Максиме Горьком // М. Горький на родине. Горький, 1937. С. 322–327.

Богодуrow 2006a – Из дневников Александра Алавердиевича Богодуrowа // Нижегородский музей. 2006. № 7–8. С. 130–133.

Богодуров 2006б – Богодуров Александр Алавердиевич (1873–1954) // Шатки и шатковцы. Арзамас. 2006. С. 42–52.

Богодуров 1896–1908 – Богодуров А.А. Дневник; фрагмент (копия с рукописи). 1896–1908 // Архив Ю.А. Изумрудова. 48 с.

Горький 1900 – Горький М. Стихи К. Бальмонта и В. Брюсова // Нижегородский листок. 1900. 14 ноября. С. 2.

Елеонская 1914 – Сборник великорусских частушек. Под ред. Е.Н. Елеонской. М., 1914.

Журналы 1877 – Журналы Нижегородского губернского статистического комитета // Нижегородский сборник, издаваемый Нижегородским статистическим комитетом. Т. 6. Нижний Новгород, 1877. С. 241–480 (II пагинация).

Инжутов 2014 – Инжутов А.А. Дневники А.А. Богодурова – свидетельства истории края конца XIX – начала XX в. // Карповские чтения: сб. ст. Арзамас, 2014. Вып. 5: К 80-летию Владимира Николаевича Мартьянова. С. 288–303.

Исторические песни 2006 – Исторические песни. Народная поэзия Арзамасского края. Арзамас, 2006.

Карпов 2010 – Народные песни, записанные в Арзамасском уезде Нижегородской губернии А.В. Карповым летом 1875 года. Арзамас, 2010.

Новикова 2006 – Новикова И.В. Любимая моя тетя Настя (Эпизоды из жизни Анастасии Александровны Новиковой) // Нижегородский музей. 2006. № 7–8. С. 126–129.

НПГО 1960 – Народная поэзия Горьковской области. Вып. 1. [Сказки, песни, частушки]. Горький, 1960.

РФ 1990 – Русский фольклор: библиографический указатель. 1881–1900. Л., 1990.

РФБС – Русские фольклористы. Библиографический словарь. XVIII – XIX вв. В 5 т. СПб., 2016–2020.

Садовский 2014–2015 – Садовский А.Я. Из дневника // Нижегородский музей. 2014. № 27. С. 10–21; 2015. № 29. С. 8–23.

Собрание архивной комиссии 1916 – Собрание архивной комиссии // Волгарь. 1916. 31 января. С. 2.

Тимин 2025 – Частушки 1920–1930-х годов. Собрание И.И. Тимина. В 2 т. Сост., вступит. ст., коммент. и указатели К.Е. Кореповой. Нижний Новгород, 2025.

Усов 1940 – Русские песни. Фольклор Горьковской области. Сост. и коммент. Н.А. Усова. Горький, 1940.

Фольклор без фольклористов 2019 – Фольклор без фольклористов. Рукописные альбомы и любительские собрания частушек первой трети XX века. М., 2019.

Литература

Адрианов 2002 – Адрианов Ю.А. Автор знаменитого романа // Граве Л.Г. Ночь светла. Стихи. Нижний Новгород, 2002. С. 5–11.

Балика 1968 – Балика Д.А. Поэт-нижегородец // Горьковская правда. 1968. 22 ноября. С. 4.

Балика, Богодуров 1941а – Балика Д.А., Богодуров А.А. Л.Г. Граве // Горьковская область. 1941. № 3. С. 45–52.

Балика, Богодуров 1941б – Балика Д.А., Богодуров А.А. Творческое наследие поэта Л.Г. Граве // Горьковская коммуна. 1941. 26 января. С. 3.

Богодуров 1916 – Богодуров А.А. К биографии Л.Г. Граве // Волгарь. 1916. 5 февраля. С. 4.

Иванова 1990 – Иванова Т.Г. Литература по русскому фольклору за 1881–1900 гг. // Русский фольклор: библиографический указатель. 1881–1900. Л., 1990. С. 9–24.

Каптерев 1939 – Каптерев Л. М. Страницы из нижегородской историографии // Горьковская область. 1939. № 11/12. С. 136–144. URL: <https://opentextnn.ru/old/history/historiografy/index.html?id=2641> (дата обращения: 08.01.2025).

Корепова 1971 – Фольклор Нижегородского края: библиографический указатель. Сост. М.Н. Андреева, А.Н. Донин, К.Е. Корепова; общ.ред. К.Е. Кореповой. Горький, 1971.

НАЭК 1930 – Нижегородская археолого-этнологическая комиссия в 1929 г. Нижний Новгород, 1930. URL: <https://opentextnn.ru/history/archeology/library-archeology/nizhnynovgorod-library-archeology/naek-1929/> (дата обращения: 23.11.2024).

Николаев 2010 – Николаев О.Р. Наивная фольклористика: типы, формы, функции // Живая старина. 2010. № 1. С. 2–5.

Панкратов 2016 – Панкратов В.М. Исповедь интеллигента. Саров, 2016.

Потявин 1960 – Потявин В.М. Собрание и изучение фольклора Нижегородского Поволжья в XIX веке // Народная поэзия Горьковской области. Вып. 1. [Сказки, песни, частушки]. Горький, 1960. С. 371–432.

Селезнев 2001 – Селезнев Ф.А. Выборы и выбор провинции: партия кадетов в Нижегородском крае (1905–1917 гг.). Нижний Новгород, 2001.

Тамбовцева 2002 – Тамбовцева Н.Н. Историческое краеведение в Нижегородской губернии 20-х годов XX века: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Нижний Новгород, 2002.

FOLKLORE IN A. A. BOGODUROV'S NOTES

Yu.A. Izumrudov, N.B. Khramova

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The article traces in detail the life and creative path of Alexander Alaverdievich Bogodurov, a representative of the Nizhny Novgorod intelligentsia of the late nineteenth and first half of the twentieth centuries, a public figure related to the family of the famous local archivist and historian A.Ya. Sadovsky. The variety of Bogodurov's creative interests is shown. The text of his unsent letter to Leo Tolstoy is published for the first time. Also, the article contains the first analysis of his critical article "On Balmont". The

importance of Bogodurov's local history research in relation to the work of the poet L.G. Grave is emphasized.

The article focuses on the interpretation of folklore materials collected by Bogodurov in the 1890s in Arzamas district of Nizhny Novgorod province. It presents a description and analysis of his folklore collection: the characteristics of the manuscript itself, the problem of its dating, and the composition of the records. For the first time, the texts of songs and ditties recorded by A.A. Bogodurov are published and introduced into scientific circulation. The ditties represent a particular scientific value as these records are among the earliest for Russian, as well as Nizhny Novgorod tradition. The published texts are accompanied by textual commentaries.

Keywords: A.A. Bogodurov, L.N. Tolstoy, M. Gorky, K.D. Balmont, L.G. Grave, local history, folklore, Russian chastushka, Russian folk lyrics, amateur folklore.